

Михаил Михайлович Попов – известный в литературном мире поэт, прозаик, публицист, сценарист, руководитель творческого семинара в Литературном институте имени Горького. Он – лауреат ряда литературных премий, имеет правительственные награды. Его книги переведены на многие языки мира.

Попов-прозаик многогранен. Полифоничен. Его эпические повествования – блоки словесных кодов: со своими акцентами, с нарочито сдвинутыми центрами логики. С торжеством мифологического ряда. А его аллюзии – не только интертекстуальные «сигналы» из прошлого, но

и своеобразные стиливые «скачки» из одной эпохи в другую, где иногда происходит радикальная перестановка векторов поведения. А нравственное размежевание приводит даже к изменению имён известных литературных героев. Достаточно вспомнить Ромьетту и Джульо...

Попов никогда не нарушает своей традиции (как в прозе, так и в поэзии): он не создаёт «антипроизведений» античности или средневековью. У него вы не отыщете антигероя. И все его «разнонаправленные умонастроения», возможно, даже некая уступка вкусам массового читателя. Кто же не захочет читать про пиратов или древнеримских военачальников?!

У Попова-поэта сформирована своя поэтическая парадигма. Что она в себя включает, мы узнаем, прочитав последний сборник стихотворений. Прежде всего, бросается в глаза неординарное название. И ты кожей чувствуешь, что это соединение экзистенциального и метафизического. Иначе откуда тогда ощущение сюжетного сдвига и скрытой амбивалентности? Или всё намного проще? Это опять традиция, в которую Михаил Михайлович (весьма избирательно!) встраивает свою творческую траекторию? И снова стилевое заигрывание с читателем в момент перехода из метафизического плана к смыслу и гармонии реального? А ведь только так и образуются моментальные слепки внеисторического момента. Ещё и с применением деконструкции. Вот и Попов-поэт в «Смерти Вергилия» деконструирует свой же сюжетный канон:

*В его присутствии уже не брякнешь – мemento...
Душа над телом в потоке закатной пыли,
Человек стремительно становится монументом,
Его практически нет, но мы изнываем
По тому, что он знает, а может быть, даже видит*

Умелая деконструкция переносит свой вектор направленности с *memento mori* на другую субстанцию – *memento vivere*. Поступая так, Попов-поэт подводит нас к пониманию новой модальности существования и к законам будущего мироустройства. Ведь большой Мастер всегда всё чувствует и, конечно же, замечает кризис в историко-культурной среде. А у Михаила Михайловича с годами выработался устойчивый иммунитет ко многим эстетическим принципам. Потому он и находит компромисс между сознательными ориентирами существования и бессознательными архетипами. Поэтому нетрудно и понять: «зачем Попов с Вергилием простился»... Ведь это у Германа Броха одноимённая книга – просто эпическое произведение, не метафора. У Попова – всё по-другому.

Читать стихи Михаила Михайловича – огромное наслаждение. Подкупает изощрённость стиля и его манера повествования, когда эмоциональный контекст переходит в откровенный сарказм. Как и все люди, поэт способен сомневаться, отсюда и самоирония. Интересно следить за ходом его мыслей, когда он не спеша рассуждает, философствует. И все эти послылы сотканы просто и умело:

*Чем же родине мне послужить?
Слишком сладко пришлось мне жить.*

И это не бравада, а ответственный монолог. Как форма самоанализа. В стихах Попова всегда присутствует образная модель, где царит собственный порядок изложения. Часто встречаются и ироничные деконструкции:

*И вот пожалуйте, живём же долго
И ищем сути, сидим в сети.
И даже после шестидесяти
Ждём от стихов какого-то толка.*

У Попова абсолютная свобода языковой игры. И изменение категории свободы абсолютным основным двигателем его творчества. Дело не в стилистической раскованности, а в умении осмысливать и налаживать отношения с читателем. Здесь всё удобно и равнозначимо: апелляции к знакомым цитатам, к полунамёкам и именам. Но у него всё-таки своя система норм, правил и образцов. В чём поэт и признаётся:

*Зло меня злит, но зла не хватает –
Держись традиций...*

Несмотря ни на что, Михаил Михайлович не отрекается и от постмодернизма. У него есть неожиданные импрессионистические зарисовки, в которых (откровенно не стандартно) обнажаются детские патриотические чувства, в которых преобладает проекция «я» через «мы»:

*До войны катались мы на санках,
С горки ледяной, когда мороз.
Европейцы, выросшие в замках,
К нам пришли, чтоб воевать всерьёз.
Но степи ударил холод страшный,
И замёрзли просто так в снегу
Итальянцы на озимой пашне,
Рядом немцы – то же ни гу-гу.
Ну а нам-то что? Давай кататься,
Санок нет, тогда тащи жмура...
Лучше бы, конечно, итальянца,
С ветерком, со свистом, на ура!
Кто нас шуганёт лихих засранцев.
А катанье – это радость, смех!
Все предпочитают итальянцев,
Потому что те красивей всех...*

Это не словесное бахвальство. Вчитайтесь. В этом стихотворении отчётливое соединение статики и динамики. Середина стихотворения преломляется детской игрой. Смещение в активность позволяет замереть от неожиданного поворота, казалось бы, очень некрасивой истории. Налицо эффект неожиданной развязки. Но гротескно-саркастический мотив создаёт контур сильнейшего ассоциативного фона: появляется новое содержание, обобщённый смысл, входящий во всемирно-историческое событие. Здесь не выделены личности, это некий общий хор, где воплощено общее мнение, где происходит борение между силами, обещающими свои идеалы и силами, попирающими их. А фрагментарная детская жестокость говорит только о том, что дети были свидетелями насилия. Таков, извините, закон Жизни: *qui gladio ferit, gladio perit*.

Попов-эрудит очень сдержан. Попов-интеллектуал – с даром широкого мышления. Попов-поэт не уминчает, не выпячивает свою начитанность и осведомлённость, он просто делится, а, анализируя, экспериментирует. Многознание и многомерность мышления позволяют ему создавать художественные метафоры.

Интересны у Попова пейзажные зарисовки, где поэт неожиданно суггестивно обозначает очертания лесного царства. Лес ему дарует покой и тишину. А жажда покоя сопряжена с девственностью и ценностью уголка природы, куда хочется спрятаться от мира модернизированного. Волнует отпечаток элегической традиции:

*Лес растёт довольно густо,
Паутина, тишина.
Не впускай сюда искусство,
Не тревожь простого сна.*

*...Пусть останутся в покое
Этот лес и полумрак,
Где ты можешь в веки кои
Отдохнуть от всяких врак.*

Авторская дидактика присутствует, но она абсолютно спокойная: без пафоса и кричащего диссонанса. Поэт не накачивает экспрессией, особой языковой пластикой, у него своё «углубление смысла».

Образ природы у Попова лепится легко, метафорично. Как же меняет у него тональность речка!:

*То разольёшься, то сужаешься,
То гладь свою бросаешь в дрожь,
Подумают, что в чём-то каешься,
Иль передразниваешь рожь.*

Порой чувство экзистенциального одиночества преломляет стержневую линию повествования, становясь внутренним голосом поэта. И это не эскапизм, это медитация уединённости, медитация внутренней тишины:

*Золотом сверкает колокольня,
Холодом ночным разит река,
Я свидетелем рожденья стал невольно
Марципанового городка.*

У темы покоя есть свои знаки. Порой они звучат в унисон с темой Врубеля:

*А всё же врубелевский Демон
Так ненормально угловат,
Сидит, соображает – где он?
Кто он? И в чём он виноват?*

И что делать, когда время лирических медитаций заканчивается? Вслушаться в радостное многоголосье жизненной мозаики:

*Вплывает колокольный звон,
И воздух весело лоснится,
Восходит радость на амвон,
А проповедь прочтёт синица.*

Правда, не обходится без иронии, но она-то и создаёт атмосферу многомерности мира.

Попов-поэт не лишён дара поэтического наблюдения. И очень часто этот дар выливается в такие щемящие строки:

*Слышно лишь только, как с земляничин
Капает солнцем расплавленный лак.*

Эта миниатюрка вызывает целый поток чувств, переводя символы этого мира в масштабы вечности. На что и намекает нам название книги.

Творчество Михаила Михайловича Попова – воплощение свободы, с особой концепцией свободомыслия. Что же помогает ему сохранить устремлённость к ней? Культура, образованность? Мужество мысли? Человеческая стойкость? Из всего этого синтеза и сформирована его особая художественная стратегия.